

Следующую неделю отродье провело, лихорадочно занимаясь. Каждое утро оно открывало свои тонкие, потрёпанные тетради первого года обучения, шевеля губами, пока читало отрывки текстов, и одновременно неуклюже пытаясь позавтракать, иногда случайно проливая ложку мисо супа на страницы. Каждую ночь лампа оставалась включенной до всё более и более позднего для приемлемого отхода ко сну времени, пока сытый по горло этим Курама не вышвырнул отродье прочь. Это было одновременно раздражающе и поразительно. Раздражение брало верх. Кураме не приносило удовольствия быть преследуемым фонтаном дат, полей боя и дел прошлого, которые человеческие вредители сочли важными, в комплекте с постоянной мольбой: "Проверь меня-я-я-я-я Ра-а-а-ама-а-а-а."

Отродье не сдавалось.

— Что это за слово, — спросило оно десятый раз за пять минут. Утреннее солнце жгуще-ярко сияло сквозь занавески. Курама отвернулся и натянул одеяло на голову.

— М-м-мгх.

Пауза.

— Рама?

Нет ответа.

— Да ла-а-а-адно, Рама! Я должен победить! Ра-а-а-ама-а-а-а! Это против утиного зада!

Снова ничего, за исключением наполовину заглушенного фыркания в темноте. Ха. Нет. Единственное, что отродью нужно было делать — это держаться подальше от Учих. Курама свернулся плотнее. Время выключать свет. Отродье издало разочарованное "п-ф-ф", и в следующий момент нога ткнула Кураму между рёбер, прижалась плотнее и начала яростно вертеться.

Курама столкнул отродье с кровати.

В воскресенье Курама воткнул затычки в свои уши, надел шляпу, чтобы защитить себя от ужасающих солнечных ожогов, и двинулся в сторону библиотечной тишины. Разумеется, несмотря на то, что целью этого начинания было сбежать от отродья, за Курамой всё равно увязался хвост. Отродье несло с собой свои тетради, свои откопанные откуда-то рабочие листы и свой громкий голос. Библиотекарь бросил на них подозрительный взгляд, когда они зашли внутрь.

Это совершенно не было виной Курамы. Ковры будут помнить грязь из переулков до конца своей короткой льняной жизни, но это отродье было тем, кто почти поджёг стойку библиотекаря три месяца назад. Отродье бросило на библиотекаря ответный взгляд. Пока оно отвлеклось, Курама сбежал от него, двигаясь прямо к полкам со справочниками. Для отродья эта секция была чуждой землёй — недостижимой и, вероятно, скрывающей в себе монстров, сделанных из книг законов.

Сборники с потрёпанными и поломанными корешками стояли на полках рядом с плотно скрученными свитками. Два слегка бугристых диванчика были подвинуты к низкому столу. Картины — какие-то маленькие и написанные западными маслами, другие же чернилами на свитках — висели изящной коллекцией над диванчиками.

Там была картина, на которой была изображена Мататаби — в профиль, чёрно-синяя, с одним золотым глазом с вертикальным зрачком.

Курама не знал, как давно она висела в этом месте. Изображение, нарисованное поблекшими до синевы чернилами, подсвеченное лёгким изгибом горы и небольшим облаком, красовалось на сморщенной бумаге. На нём Мататаби свернулась в калачик у основания долины, спрятав нос за двумя хвостами. Её глаз сверкал, словно луна, на чёрном фоне.

На картине не было ни даты создания, ни подписи автора.

Спустят тридцать лет после того, как погиб Отец, Мататаби поселилась среди горных гряд страны Молний и объявила их своими. В своё время Курама задавался вопросом, не была ли ностальгия причиной того, что она поселилась в этом месте — храм Отца был расположен в горах. Она всегда находила что-нибудь приятное в иллюзиях снега и тумана, находила что-то стоящее того, чтобы приглядывать за этим, в жизни, поднимающейся с неровных камней. Курама помнил, как она рассказывала ему про монахов — потому что в те времена рядом всегда были монахи — голыми руками строящих монастыри из известняка и сланца.

Она была запечатана почти сто лет назад. Все они были. Проклятая кровь Сенджу и Учиха. Курама посмотрел на картину и подумал о том, не остался ли и по сей день заряд её чакры в горном воздухе, пахнущем призрачным огнём.

Это было вероятно. В конце концов, земля не была подобна людям — она никогда не забывала.

Два часа спустя отродье нашло Кураму в их квартире, читающего сборники на диване. Новая книга была добавлена к неровной стопке выданных Академией — в твёрдой обложке, чистая, с изображением Скалы Хокаге на передней стороне и названием, гласящим: "Экскурс по величайшим лидерам Конохи".

Отродье подалось к Кураме и заглянуло в его книгу.

— Чточит... фу. Опять стихи?

— Прощу прощения, — сухо сказал Курама и показал взглядом на книжную выборку отродья. Он знал уже по одной её толщине, что оно не сможет её осилить.

— А, да, это, — сказала отродье. Оно бросило все свои бумаги на пол, село на диван и открыло новую книгу на главе под названием "Возвышение Четвёртого Хокаге".

— Можешь...

— Нет, — сказал Курама.

Он уже знал, какие следующие слова собирались вылететь изо рта отродья. Слова "прочитать это для меня, Рама". Что само по себе имело совершенно очевидный ответ. Что за херня, он думал, что отродье будет избегать всего, связанного с Намиказе, любой ценой, а не активно искать информацию о нём.

В ретроперспективе, это была глупая мысль.

Нижняя губа отродья выступила вперёд.

— Э-э?

— Нет.

— Всего одну гла...

— Нет.

— Но почему...

— Вот как ты думаешь, почему, — сказал Курама и посмотрел на отродье, как на сумасшедшего.

Отродье нахмурилось, отложило книгу и сказала:

— Ага, окей, поэтому, — что могло доказать, что у него ещё оставалось немного мозговых клеток, прежде чем продолжить. — Но именно поэтому мы и должны в первую очередь, — на

его лице было то упрямо-решительное выражение, которое у него было каждый раз, когда речь заходила о том, чтобы есть ramen каждый день, и Курама закрыл свои глаза и задумался о том, как именно работал отродьев тупой мозг.

Очевидно, что не особенно хорошо.

Курама стукнул отродье по голове.

— Ответ — нет, — сказал он и крайне демонстративно повернулся прочь от отродья.

Отродье плюхнулось животом на подлокотник и принялось пихать "Возвышение Четвёртого Хокаге" Кураме в лицо.

Он мысленно досчитал до пяти.

И ударил по книге.

Она перевернулась в воздухе, пролетела по ровной дуге и приземлилась рядом с дверью шкафа.

К сожалению, это ещё был не конец. Два дня спустя пришло "позже", а вместе с ним и Щенок, принося с собой дары чоу мейна со свининой и мангового чизкейка. Курама ел, отродье всасывало — иными словами, один глубокий вдох, и вся еда исчезала — прежде чем оно схватило Щенка за маску и, держа в своей руке книгу, затащило его в спальню.

— РА-АМА-А-А! — прокричало отродье изнутри. — ЗНАЕШЬ, ТЫ НЕ МОГ БЫ...

Курама засунул затычки себе в уши. Он подтянул к себе остатки чизкейка. Отродье его совершенно не заслуживало, если оно просило библиографию Намиказе вместо сказки на ночь.

С волнением ожидаемый срок наступил в водовороте влажности и исполосованных дождём улиц, когда остатки воды со вчерашней грозы капали с водосточных труб и окон квартир. Прошло две недели с момента неудачной встречи с Учихами. Курама знал это с точностью, потому что отродье примерно десять раз обвело эту дату в календаре красной ручкой.

Когда наступило утро, Курама, совершенно логичным образом, запер отродье в ванной.

Каков был шанс, что этот проклятый Учиха вообще объявится? Мал. Но не равен нулю. Именно

поэтому отродье должно было остаться в ванной до, пожалуй, пяти вечера, чтобы всё это могло затихнуть и никогда больше не упоминаться.

Курама, тем временем, сидел за обеденным столом и занимался просмотром своих записей касательно печатей. Со стороны коридора слышался энергичный стук. Курама не мог слышать его — у него в ушах были затычки — но стены дрожали, полы дрожали, и он мог почувствовать вибрацию зубами.

— Рама, у меня назначена встре-ча! — слышались тихие, негодующие крики отродья. Его чакра раздражённо искрила.

Со временем стук прекратился.

Как и нытьё.

Курама замер от совершенной неправильности этого и обнаружил, что сигнатура отродья не там, где она должна была быть. Она не была слишком далеко, однако, сдвигаясь где-то на полшага вправо.

Она просто не была в пределах квартиры.

Курама с силой бросил свой карандаш на стол и помчался в ванную.

Стул был там же, где он его оставил — поставлен так, чтобы не давать повернуть ручку двери. Ванная была пуста, окно в ванной было открыто. Матовое стекло уступило, чтобы открыть вид на унылый переулок и неприглядное строение по соседству. Курама наполовину затащил себя на подоконник, захрипел, и, извиваясь, кое-как поднял остаток своего веса. Он посмотрел вниз.

Потом он закрыл свои глаза, скрипнул зубами, и сказал тоном, полным чистого отчаяния:

— Как.

Многое, как обнаружил Курама, могло быть помещено в одно-единственное слово.

— Не скажу!

Курама приоткрыл один глаз. Отродье с упрямым лицом обвиняюще наставило на Кураму палец.

— ...Нет? — мрачно спросил он.

— Нет! — подчеркнуло отродье. — Ты ведешь себя как злюка!

— Никогда не говорил, что я им не являюсь, — сказал Курама.

Грязь была на одежде отродья, его локтях, подбородке и узловатых коленях. Курама подумал обо всех способах, с помощью которых кто-то может настолько перепачкаться на дороге от точки А — квартира, до точки Б — земля, и получил список из, пожалуй, двух вариантов. Даже, скорее, одного с половиной варианта. Они были, по сути, идентичны. Чакра пылала в его мускулах. Искра — и Курама поднял себя выше, чтобы сесть, потом встать на ноги и на стену.

Падать было всего четыре этажа — даже не половину высоты большинства деревьев в этой проклятой деревне. Когда Курама шагнул вниз, он заметил вмятины на кирпиче, подозрительно похожие размером на следы ботинок почти шестилетнего ребёнка. Потом место, примерно тремя метрами ниже, где эти вмятины исчезли, и откуда отродье, предположительно, упало лицом в грязь.

— Я думаю, я знаю, как ты спустился вниз, — сказал Курама.

В ответ на лице отродья появилось раздражённое выражение лица номер пять.

— Показушник, — сказала оно.

— У тебя контроль миски рамена, да.

— Мне нравится быть миской рамена, — с враждебностью в тоне сказала отродье, что было совершенно вырвано из контекста, но не неверно, учитывая скорость, с которой оно поглощало лапшу. Отродье поймало руку Курамы в свою чудовищно сильную хватку. — И я тоже так могу!

Оно притащило их обоих к ближайшей секвойе. Курама смотрел, как оно идёт вверх по стволу — плечи прямые, язык высунут, руки расставлены по бокам для равновесия. Его шаги оставляли следы в коре.

...Четыре с половиной месяца спустя, и теперь отродье могло пройти пять метров вверх самым неуклюжим на свете шагом. Курама наблюдал за ним с покорным отчаянием. До тех пор, пока у ниндзя-охотников были глаза и хотя бы половина извилины в мозгу, им даже не придётся звать жучиный клан.

Отродье замерло и дёрнулось. Грязные ботинки развернулись носками к земле, и оно широко улыбнулось.

— Смотри, Рама! Я, великолепный...

Оно упало.

Курама сделал два шага влево и три шага назад, в то время как отродье вскрикнуло, упало, а потом шлёпнулось на землю.

— Ау, — приглушенно ойкнуло оно.

На мгновение оно так и осталось лежать — лбом на земле, раскинув руки в стороны. Курама принялся считать — раз, два, три. Биения сердца. А потом закатил свои глаза, когда отродье приподнялось точно в отсчитанное время.

— Рама, — проныло оно с обиженным лицом. — Ты меня не поймал!

— Не в этой жизни, — ничего не выражающим тоном сказал Курама.

Отродье сморщило нос.

— Но ты был прямо там!

— Да. И если бы я остался прямо там, меня бы расплющило в лепёшку, — отродье продолжало смотреть на него с сомнением. Курама сказал: "Угх", шумно выдохнул, потянулся за единственным местом на руке отродья, которое не было покрыто корочкой грязи, и поднял его на ноги.

— Как блинчик? — спросило отродье.

— Пожалуйста, не подавай идей моему воображению, — сказал Курама.

— То есть, точь-в-точь как блинчик, — с подчёркиванием сказала отродье, и серьёзно, что Курама только что сказал? Отродье же продолжило: — Я не хочу Раму-блинчик.

— Рад слышать.

— Я хочу победить утиный зад!

И они вновь вернулись к проклятому Шарингану.

Вообще, насколько именно отродье было заиклено на этом трижды проклятом мелком Учихе? Может быть, Кураме стоило просто стукнуть его по голове посильнее и дожидаться, пока день не закончится. Это будет всё равно, что идея с ванной, но с большим количеством бессознательности, и меньшим количеством возможностей для отродья использовать чакру,

чтобы спуститься по стене квартиры. Увы, но Курама знал в точности, насколько быстро отродье оправлялось от всего. И перманентный ущерб мозгу был, к несчастью, снят с повестки дня.

Курама так же не мог пересилить отродье любым физическим способом на сколь-либо продолжительный период времени — ебучая биология — что оставляло ему в сухом остатке только вариант "В".

Вариант "В" был известен как "Позволь ему пойти и обеспечить присмотр", потому что хрена с два Курама оставит глупое отродье в одиночестве в ближе, чем на сто метров от Шаригана. Он был так же известен как вариант "Ар-р-р-ргх-х-х", потому что это весьма точно описывало чувства Курамы.

С выдающимся самоконтролем, Курама закрыл глаза, чтобы отогнать надвигающуюся мигрень.

— Ты совершенно невозможен.

Отродье сцепило свои руки.

— Ой, бла-бла-бла. Ну же, Рама, я побью утиный зад, а потом мы пойдём есть блинчики.

Великолепно. Кураме опять захотелось его прикончить.

Он, впрочем, не стал тратить свои силы на то, чтобы упереться ногами в землю. Тщетность была тщетностью, океаны были океанами, а отродье тянуло его за собой, говоря:

— Я супер точно выиграю, я знаю, я читал всё по пять раз и практиковался с Ину, и работал над моими катами и даже моими математиками, даже если они глупые и сложные, и запомнил всё крутые битвы из первой и а-а-аж до последнего кусочка Третьей Войны Шиноби...

Курама делал свои дыхательные упражнения. Он мысленно фанатично молился о том, чтобы мелкий Учиха умер в канаве, или по какой-то другой, настолько же неудачной причине оказался очень, очень далеко от Курамы.

К сожалению, Курама знал, что последнее время удаче совсем не нравится поворачиваться к нему лицом.

Смысл в чём — мелкий Учиха и Дым-и-Зеркала ждали их в кафе-мороженом, когда они

ворвались внутрь. Чувство чакры сказало Кураме об этом ещё до того, как он зашёл внутрь — костры, дым. От этого по его позвоночнику пробежалось дрожащее покалывание мурашек.

Отродье, разумеется, совершенно не обратило внимание на угрозу. С радостным улюлюканьем оно бросилось бегом вперёд, остановившись рядом со стулом мелкого Учихи.

— Готов проиграть, утиный зад?

Мелкий Учиха со злостью захрустел остатками своего рожка.

— Ты имел в виду, готов ли ты проиграть. Болван, — и чопорно вытер свой рот, в то время как отродье продолжало орать.

Пока они вдвоём были заняты этим, Дым-и-Зеркала повернулся, чтобы обратить свой взгляд на Кураму, который предпочёл бы быть где угодно, но не в его поле зрения, спасибо.

— Я полагаю, это займёт некоторое время, — сказал он безмятежно, пока Курама проигнорировал его (настолько, насколько это было возможно) и сел на стул, расположенный в двух столах в сторону. Перед Дымом-и-Зеркалами стояла миска с наполовину съеденным мороженым с красной фасолью и пустая чашка чая. — Хочешь заказать что-нибудь?

О, Курама сделает заказ, это точно.

Продавщица мороженого дала ему его клубнично-банановое, политое шоколадом вафельное парфе (с бесплатной посыпкой), прежде чем подойти к другой стороне прилавка.

— Чиаки-сан будет судьёй, — объяснил Дым-и-Зеркала.

Акимичи с мороженым помахала объектом, похожим на пыльный, слегка порванный учебник.

— Я постоянно этим занимаюсь для моих младших кузенов, — радостно сказала она. — Так, Итачи-сан проинформировал меня, что мы идём по первому году?

У соревнования было два этапа. Первым этапом была теория. Правила заключались в том, чтобы отвечать на вопросы. Первый, кто поднимет руку, получал право отвечать. Предсказуемо, отродье каждый раз поднимало свою руку, прежде чем Акимичи с мороженым договаривала до конца, вне зависимости от того, знал ли он ответ. Его критическое мышление и способности к анализу были невелики. По факту, они были ничтожны, как и критическое мышление и способности к анализу каждого шестилетнего человеческого сопляка во вселенной. Мелкий Учиха был лучше, но не сильно. Его память, вероятно, была значительно лучше, но отродье не шутило, когда говорило, что оно прочитало всё по пять раз.

Мелкий Учиха, однако, был куда более методичен. Это, впрочем, не особенно ему помогало.

— Хватит так делать!

Он стукнул по руке отродья, когда та опять начала подниматься через три слова с начала вопроса, а если быть точнее, то: "Назовите дату, когда...". Вполне вероятно, что отродье бы держало свою руку поднятой постоянно, если бы Акимичи с мороженым не сказала ему, что это было против правил.

— Боишься проиграть? — воскликнуло отродье.

— Нет, — сказал мелкий Учиха, упрямо хмурясь.

С этого момента викторина превратилась в соревнование "кто первым поднимет руку". Отродье и мелкий Учиха пристально изучали друг друга, прищулив глаза и напрягшись. Дым-и-Зеркала вновь наполнил свою чашку чаем.

Сорок вопросов и ещё две чашки чая спустя они, наконец, закончили.

Курама доел своё мороженое и свою вафлю и тыкал ложкой оттаявшие кусочки банана и клубники, пока Акимичи с мороженым подсчитывала очки. Взгляд на отродье и мелкого Учиху показал лица, красные от всех усилий. Эти двое продолжали то бросать убийственные взгляды друг на друга, то фокусировать всё своё внимание на Акимичи с мороженым — как будто они могли просверлить учебник взглядом до страницы с ответами — то снова бросать друг на друга убийственные взгляды. Этот цикл повторялся до тех пор, пока учебник и карандаш не были с особой торжественностью отложены в сторону, и Акимичи не улыбнулась улыбкой победителя.

— Так я победил, верно? — выпалило отродье, вскакивая.

— Разумеется, что нет. Я победил, — мелкий Учиха попытался прочитать таблицу с подсчётом очков. Вверх ногами.

— Ну, — сказала Акимичи с мороженым, — Это была, на самом деле... Ничья.

Курама достал затычки из своего кармана и воткнул их себе в уши движением, отточенность которого следовала из многократного повторения, прежде чем в идеальной симфонии высоких тонов пришло ответное:

— Что!

Сначала начались протесты, понятные по диким жестам руками. Потом потасовка, которая была яростной, но была быстро и ловко прекращена Дымом-и-Зеркалами. Он поднял драчунов

за воротники, как непослушных котов, после чего, пока крайне позабавленная Акимичи с мороженым наблюдала сзади, вышел через заднюю дверь, чтобы положить мальчишек на слегка грязный участок травы.

Курама вытащил свои затычки как раз вовремя, чтобы услышать, что вторым этапом соревнований был спарринг.

Разумеется, отродье бросилось первым.

Мелкий Учиха имел в четыре раза больше мастерства, это было очевидно уже спустя первые пять секунд. Его движения были точными, быстрыми и плавными, одно следовало за другим без сознательных размышлений. Он успешно нанёс больше ударов, и они были сильными и должны были оставить синяки. Отродье же просто, так получилось, вставало — подскакивало, как грёбанный резиновый мячик — обратно каждый раз. А потом оно пыталось схватить мелкого Учиху и бросить на землю.

Спустя три минуты мелкий Учиха выглядел в равной степени ошеломлённым и недовольным. Отродье в десятый раз бросилось вперёд в попытке боднуть его головой в рёбра.

— Хватит вставать, ты, надоедливый... аргх!

— Попался! — сказала отродье, швыряя мелкого Учиху. Немного позже оно само получило локтем в лицо.

Четырёхкратное мастерство против четырёхкратной выносливости. Они были равны в ослином упрямстве и готовности играть грязно. Курама заметил одну почти успешную попытку, когда отродье схватилось за чёрные волосы и дёрнуло, и другую, когда мелкий Учиха, сытый всем этим по горло, решил ударить отродье коленом в часть тела, не упоминаемую вслух. По факту, это уже не было спаррингом. Скорее, просто дракой. Грязевой ванной? По сути, прямо как при их первой встрече, но с большим количеством наблюдателей. Дым-и-Зеркала стоял с атмосферой полного дзена, грея свой чай искрами чакра-пламени и попивая его маленькими глотками.

Было в нём что-то не то. Даже для Учихи. Дым, огонь, погребальные огни и глубокая земля. Курама знал всё это — откуда-то. Это ощущение было как предупреждающий укол на его шее.

Курама... пытался держаться от Дыма-и-Зеркал как можно дальше. Ага. Окей.

Драка, однако, дала преимущество отродью. Когда речь шла о том, чтобы остаться на ногах последним — или пережить всех вокруг — его можно было сравнить с солнцем, когда все остальные были похожи на пламя свечи. Отродье сидело на спине мелкого Учихи, который тщетно боролся, ослабленный усталостью.

Два подбитых глаза, вероятно, трещина в запястье и футболка, которую было уже не спасти, были результатом боя. Чёрта с два они отправят это в стирку. Мелкий Учиха был не сильно лучше. Чёрный просто лучше прятал пятна, чем жёлтый.

— Победитель — Наруто-сан, — сказал Дым-и-Зеркала.

— Ха! — воскликнуло отродье.

Он поднял один сжатый, грязный кулак в знак триумфа. Мелкий Учиха под ним прекратил дёргаться — его чакра яростно, пусть и устало, шипела под кожей.

Отродье продолжило:

— Я победил! Ха! Ха-ха-ха! Видишь, утиный зад! Теперь я получу! Я получу... — оно остановилось и нахмурилось, размышляя. — Э... Что я получу, напомни?

— Угх, — выдавил мелкий Учиха.

— Что?

— Ты идиот.

— Эй!

— Ты покрасишь его волосы в розовый, — напомнил Курама, потому что на это ему самому хотелось бы посмотреть.

— А, ага, — сказала, вспомнив, отродье. — И парфе! Волосы и парфе! — оно глянуло на свой живот, серьёзно хмураясь. — Но я не хочу парфе. Я хочу рамен.

— Меня не волнует, что ты хочешь есть, — прокряхтел мелкий Учиха. — Свали с меня.

Отродье глянуло вниз, сказала: "А, ага," и встало на ноги. Мелкий Учиха перекатился на спину и сел, отскабливая грязь со своей щеки и хмураясь.

— Скоро будет ужин, — отметил Дым-и-Зеркала.

В любом случае, отродье крайне серьёзно размышляло над этой дилеммой в течение пяти секунд — то есть дольше, чем Курама видел ранее для какой-либо другой темы для размышления в мире — прежде чем придти к решению. Которым был рамен. Очевидно.

— Окей! Мы идём в Ичираку! — отродье выглядело абсолютно довольным собой.

— Что, трубки Третьего ради, это за Ичираку? — пробормотал мелкий Учиха.

Ему не стоило этого говорить.

Отродье повернулось, чтобы посмотреть на него с оскорблённым выражением лица человека, стоящего лицом к лицу с величайшим в мире святотатством. А затем он медленно вытянул руку и похлопал мелкого Учиху по плечу с нежностью, сберегаемой для Тех-Кому-Неведомы-Чудеса-Ичираку-Рамена. Мелкий Учиха посмотрел на руку так, словно это был оголённый провод.

— Всё будет хорошо, утиный зад, — успокаивающим тоном проговорило отродье.

— Нии-сан, — настороженно сказал мелкий Учиха, — Можно мы теперь пойдём домой?

В ответ отродье компанейски перекинуло руку через плечо мелкого Учихи и подняло его на ноги.

— Всё хорошо, — повторило оно, резко поворачиваясь к Кураме с маниакальной улыбкой на лице. — Рама! Мы покажем ему все хорошие штуки!

Рынок пахнет маслом, солью и режущим запахом рыбьей крови. Сейчас, в полдень, толпа была густой, и киоски с едой выпускали в воздух клубы горячего пара. Вокруг ходили женщины с корзинами и мужчины с сумками покупок. Дети с липкими пальцами носились возле своих родителей. Торговцы носили деревянные ящики туда-сюда. Шипело масло.

Мелкий Учиха прилип к одной из ног своего брата. Отродье прицепилось к другой — одна загорелая рука держится за бледную руку Дыма-и-Зеркал, другая мёртвой хваткой вцепилась в курамину — и болтало о сочетаниях бульона, долго и путано, чтобы скрыть нервозность, которая по непонятной причине вдруг появилась теперь, когда оно ни с кем не спорило.

Они были в половине квартала от киоска лапшичника, когда Дым-и-Зеркала остановился посреди улицы, и женщина в синем отошла от отдалённого прилавка, чтобы шагнуть им навстречу.

Она позвала убийственно, убийственно знакомым голосом:

— Итачи? Саске-чан?

— Матушка, — сказал Дым-и-Зеркала.

Курама уставился на него.

Он знал. Он знал, что этот малец выглядел знакомо.

Он чувствовал предупреждающее покалывание, похожее на электрошок, и игнорировал его, потому что все Учихи были бледнокожими и темноволосыми, а Дым-и-Зеркала был больше рокошущей землёй, чем воздушной молнией, больше земли, чем грозы вместе с огнём, которым была заклеимена его кровь. Разумеется, это был просто отвлекающий маневр. Разумеется, это был долбаный ложный след. Было такое чувство, словно дух или воля, или что-то там ещё Узумаки Кушины активно пытались преодолеть барьер между измерениями и смертью в своих стараниях разрушить жизнь Курамы и преуспевало...

— Мама! — прокричал мелкий Учиха.

Чакра появилась первой.

Жар с ноткой электрического давления, плотно упакованный в каналы джонины, тонкий, как дым и острый, как грани стекла и запах озона. Он был знаком. Он был знаком последние двадцать пять лет, хотя Курама не чувствовал его целых шесть. Шаринган был где-то за всем этим, бордовые глаза и древние мазки кистью, собранные железом, войной и холодной безжалостностью окопов.

Толпа текла, Учиха Микото вышла из неё.

Её волосы были длинными, распущенными и опускались прямыми прядями на её плечи. Она была в синей летней юкате с серебристыми листьями на рукавах и цветами на оби. Символ Учиха на её спине — красный, белый, веер. Покупки в её руках зашуршали пластиком.

Она улыбнулась. В этом не было ничего зловещего. В её чакре всё ещё была видна вспышка задушенного удивления. Она убрала прядь волос за ухо и сказала:

— Привет.

Первым порывом Курамы было сбежать, и вторым его порывом было сбежать, потому что ну правда. Ну правда. Вот как ему так повезло?

Мелкий Учиха отпустил руку Дыма-и-Зеркал и потянулся за рукой Учихи Микото, которая ловко передала свои покупки старшему сыну, чтобы взять мелкого Учиху за руку.

— Мам, что ты тут делаешь!

Она снисходительно улыбнулась.

— У нас закончились пирожные к чаю, Саске-чан, — она осмотрела Кураму и отродье, и Курама почувствовал, как его мускулы плотно сжимаются вместе. — Представишь меня своим новым друзьям?

— Они мне не друзья, — сказал мелкий Учиха.

— Нет?

— Нет.

На этот раз Курама был искренне крайне благодарен мелкому Учихе. Да, конечно. Ничего интересного. Если они могут быть просто проигнорированы и отправлены своей дорогой куда-нибудь в другое место прямо сейчас...

— На самом деле, Саске был в заметном восторге от их, — сказал Дым-и-Зеркала, на что получил две идентичных гримасы абсолютного ужаса от Курамы и мелкого Учихи. — Их зовут Менма-сан и Наруто-сан.

— Приятно познакомиться, — сказала Учиха Микото. — Менма-кун, — Курама дёрнулся. — Наруто-кун, — она улыбнулась патентованной улыбкой, улыбкой, которую Узумаки Кушина использовала, чтобы получать от ничего не подозревающих прохожих бесплатную еду целое десятилетие, до самой помолвки её лучшей подруги.

Как и большинство тех, что были до него, отродье растеклось, а его уши покраснели.

— Ага! — пискнуло оно. — Это я!

Отца ради.

Дым-и-Зеркала вежливо прервал их.

— Мы собирались пойти поужинать, — объяснил он. — Наруто-кун хотел показать Саске рамен.

— Ичираку?

— Ты знаешь Ичираку? — спросило отродье тонким голосом.

— Это было моё любимое место, когда я была немного моложе. Впрочем, я давненько там не была, — она элегантно опустила так, чтобы её глаза были на одном уровне с отродьевыми. — Могу я присоединиться к вам, Наруто-кун?

— Эм, — отродье, по-видимому, застряло в состоянии розовых щёк и широких глаз. — Ага! Если хочешь. Я имею в виду, если хочешь, то. Ага! Конечно!

— У меня нет права голоса, да, — вылетело из шестилетнего рта Курамы. Внимание Учихи Микото сосредоточилось на нём, как какая-то большая и ужасная хищная птица, и он мысленно пнул себя.

— Если это неудобно для тебя, Менма-кун, — начала она.

Локоть отродья ударил в рёбра Курамы. Он издал звук, напоминающий вопль подстреленного оленя.

— Нет! Всё в порядке! Рама просто капризничает, — выпалило отродье. — Конечно всё хорошо! Ты приглашена! Все приглашены! — он решительно шагнул вперёд, увидел, что Дым-и-Зеркала был занят покупками, замер, а потом Учиха Микото протянула свою руку и его чакра взорвалась искрящим фейерверком.

— Мама, — сказал мелкий Учиха.

Отродье даже не скорчило гримасу ему в ответ. Оно было слишком занято тем, чтобы в благоговении моргать, глядя на Учиху Микото.

Однажды Курама действительно совершит убийство.

— Микото-чан? — просиял лицом лапшичник. — Как поживаешь?

Они сидели за стойкой в следующем порядке: Учиха Микото в центре, с одной стороны от неё сидело её отродье, а с другой — кушиново отродье и Курама. В это время лапшичник разливал чай по чашкам, а отродье давало крайне подробную сводку меню. Свирина и мисо, и курица барбекю, и горячее рёбрышко, и говяжья вырезка. Курама не слушал. Он чётко осознавал, что между ним и полностью развитой парой Шаринганов сейчас сидел один-единственный человек. Одно-единственное отродье, если быть точнее, которое сомнётся, словно бумажная салфетка, под весом данной ситуации и улыбки.

Курама должен был просто заранее запихнуть урезанную версию ситуации с Учихами в его

череп. Это бы заставило все последние две недели потерять свою актуальность и спасло бы Кураму от этой ямы плохих решений.

Но нет. И теперь Учиха Микото наблюдала за ним.

Она делала это незаметно, но нервы Курамы были политы маслом и подожжены, все системы выставлены в режим максимальной бдительности, все высшие функции организма направлены на мониторинг, и она определённо, определённо наблюдала за ним. Его сердце стучало в груди; он держался за свои палочки для еды с такой силой, что его пальцы начали болеть. Он чувствовал себя как кролик, парализованный взглядом лисы — загнанным в ловушку, напряжённым, с дрожащими пальцами, с тошнотой в животе. Как, чёрт побери, он сумел не заметить Дым-и-Зеркала? Глупо, глупо. Кушина нянчилась с этим сопляком два дня в неделю, когда он был крошечным младенцем с лицом, похожим на уродливую сливу.

Что-то ударило его в голень.

— Рама, — сказала отродье. — Твоя очередь делать заказ.

Курама посмотрел на него пустым взглядом. Он сделал заказ.

А потом он принялся отражать попытки вовлечь его в разговор.

Учиха Микото пыталась трижды. Осторожно, мимоходом. "Как прошёл твой день, Менма-кун?", "Тебе нравятся морепродукты, Менма-кун?" и "Что ты думаешь о Саске и Итачи, Менма-кун?".

Все три раза Курама уклонялся от вопросов, как будто они были летящими в него Катонами. Отродье пыталось куда больше раз, чем три — Курама пнул его. Он держал свои глаза на лапше и ни на чём ещё.

К счастью, у Учихи Микото были более лёгкие цели для вовлечения в беседу. Разговор перешёл на события этого дня, начало нового учебного года, любимый рамен отродья, а потом, возможно, неминуемо, вновь на события этого дня.

— Итак, — она опёрла подбородок на ладонь, улыбаясь, — Итачи говорит, что у вас было соревнование? Как оно прошло?

— Круто, — сказала отродье, выхлебало последние ложки бульона из своей четвёртой миски и принялось за подробный пересказ. — Я ударил здесь, — отродье симитировало звук боя. — А потом он попытался пнуть меня, но я увернулся!

— Ты имеешь в виду, что тебе повезло поскользнуться на грязи.

— Что значит "повезло"? Я тебя нехило так достал. Смотри, после того, как я сделал ту штуку с броском...

— Которую ты выполнил неверно...

Отродье закрыло рукой рот мелкого Учихи.

— Заткнись, утиный зад. Короче, я смёл его ноги и...

— ...Попытался съесть мои волосы, — приглушенно сказал мелкий Учиха.

— Да кто захочет съесть твои волосы?

— Ты, — он оторвал от себя руку отродья. — Но мам, я пнул его в лицо и подбил ему этот глаз...

— А я подбил ему этот глаз.

— Я уверена, что вы оба были совершенно великолепны, — сказала Учиха Микото, прекращая это соревнование, прежде чем оно смогло начаться. Она постучала своими палочками для еды по краю своей миски. — Доешьте свою еду, пока она не остыла, Саске-чан, Наруто-кун.

Сопляки ели.

А потом она повернулась к Кураме, чьё лицо застыло с сердитым взглядом, который стал только ещё более мрачным, когда она обратилась к нему:

— А что насчёт тебя, Менма-кун?

Курама посмотрел на неё поверх своей размякшей лапши.

Ага, удачи вам, дамочка.

Мелкий Учиха в перерыве между пережёвыванием своего яйца сказал: "Не трать силы, мама, он просто тупой," на что отродье ударило его между рёбер.

— Утиный зад!

Прежде, чем половина миски рамена успела оказаться вылитой на голову отродью, Учиха Микото подняла руку. Вся деятельность вокруг мгновенно прекратилась.

— Не выражайся, Саске-чан, — мягко сказала она. — И это я должна извиниться, — чёрные глаза сфокусировались на Кураме. — Прошу прощения, Менма-кун, ты просто напоминаешь мне об одной знакомой.

У Курамы имелось зеркало.

— А, — бесстрастно сказал он.

Спасибо, но он обойдётся без очередного напоминания.

— Это заведение было её любимым в деревне, — продолжила она и тихо засмеялась. — Я думаю, я чувствую себя немного ностальгично.

— А, — сказал Курама тоном, который, как он надеялся, передавал обобщённое согласие.

— Что значит но-сталь-гич-ный? — спросило отродье, и в этот раз его вмешательство ужасно приветствовалось. Внимание Учихи Микото переместилось.

— Это означает очень сильно по чему-то скучать, Наруто-кун. Это место заставляет меня испытывать сильную ностальгию. Моя лучшая подруга обычно приходила сюда каждый раз, когда у неё была возможность, — её палочки для еды мелькнули в воздухе; она указала ими на башню из пустых мисок из-под рамена, составленных сбоку от отродья. — Рамен со свиным рёбрышком тоже был её любимым.

— О-о-о-о, — протянуло отродье.

— М-м, — сказала Учиха Микото, улыбаясь. — Теперь кушай. Столько, сколько захочешь. Я оплачу счёт.

Она так и сделала. И это был конец её прямого изучения Курамы, к его большой радости, даже если время от времени он продолжал краем глаза ловить её взгляды в свою сторону. Сопляки переругивались между собой, Дым-и-Зеркала съел удивительное количество палочек данго, и когда вся еда была съедена — или, в случае Курамы, остыла — Учиха Микото оплатила счёт. Она обменялась парой слов с лапшичником и собрала своих сопляков, прежде чем повернуться со своими покупками, удерживаемыми на сгибе локтя.

— Буду рада встретить вас снова, Наруто-кун, Менма-кун.

— Я тоже! — сказала отродье.

Курама до побеления костяшек сжал кулаки на своём желании сбежать достаточно быстро, чтобы оставить за собой облако пыли.

Он ждал до тех пор, пока она не покинула поле зрения, прежде чем поймать отродье за руку и зашагать, так быстро, как он мог, в противоположном направлении. Отродье позволило себе быть волочённым следом.

— Она была такой хорошей, — глядя в пустоту, сказала оно.

— М-м.

— И утиный зад! Мы встретили его брата! И его маму! И она заплатила за рамен. И мы побили друг друга! Это значит, что мы теперь друзья, верно?

Курама чувствовал, как его мигрень начинает пульсировать сильнее.

— М-м.

Абсолютно точно нет.

В будущем не было никакой Учихи Микото.

Её не могло быть. Учиха Микото, которую Кушина знала с девяти до двадцати шести, то есть, когда она умерла, с её Шаринганом, вырезаной из хрусталя улыбкой и вниманием, острым, как бритва, должна была быть настолько далеко от Курамы и отродья, насколько это было физически возможно. Она должна была. Курама всё ещё мог чувствовать адреналиновую дрожь в своих руках, как его пальцы впивались в дерево, вдохи и выдохи, знание того, что она сидела совсем рядом, и приходящее с этим чувство беспомощности.

Он собирался убедить отродье держаться подальше, даже если для этого Кураме потребуется целое море злодеяний Учиха.

Ночь, свет выключен, шторы задёрнуты. Вот как оно шло:

— Так... Значит... Клан утиного зада... плохой?

— Да.

— И один из них. Эм. Мадара? Он натравил лиса на деревню и убил кучу людей.

— Да.

— И из-за этого мы здесь. Такие.

— Да.

— О.

— Понял теперь?

— Эм. Вроде того? Вроде того. Ладно, значит, этот парень. Мадара. Он плохой. Но я имею в виду, они не могут все быть плохими, верно?

— Нет, они определённо мо...

— Я имею в виду, Рама, утиный зад болван и засранец, но его братан хороший, а его мама супер-супер-супер-пупер хорошая, и она купила нам рамен! Никто, кто даёт бесплатный рамен, не может быть плохим.

— Ты не можешь основывать свои моральные стандарты на рамене.

— Я точно могу. Я точно-точно... Ай-яй! Хорошо, хорошо, Рама! Не смотри на меня так. Но она была, знаешь. Её улыбка не делала никаких странных штук, и она задавала мне вопросы, и называла меня по имени...

— Это называется уловкой.

— ...Уловкой? Ты опять говоришь непонятные слова. Что значит уловка?

— Что-то, вводящее в заблуждение.

— Эм. Всё ещё непонятно. Попробуй опять?

— Ради всего святого.

— Впрочем, не понимаю, почему она тебе не нравится. Ты иногда немного странный. Смотри, смотри, она звала нас Наруто-кун и Менма... погоди. Ра-а-а-ама. Это потому, что она назвала тебя настоящим именем? Рама-Рама-Рама, если тебе это не нравится, ты должен сказать ей.

— Дело не в этом.

— Не волнуйся! Я скажу ей в следующий раз. Это будет круто!

Учиха Микото была лучшей подругой Узумаки Кушины, которая пришла, чтобы усложнить Кураме жизнь. Отродье, с другой стороны, было кушининой волей, кричащим возмездием и безумной тупостью, перешедшей прямо в гениальность, которые преследовали его каждую свободную минуту.

Снова осень. Сентябрь. Листья побурели, порыжели и падали вихрями. Когда он был юн, в это время года Курама выдыхал свою чакру под земную кору, оставляя её улечься под белым одеялом зимы, оставляя весне выпустить её сладкими цветами и буйным ростом, как подарок. Они, леса и поля южного Огня, были его ответственностью. У каждого из них, братьев и сестёр Курамы, была своя территория. Огненные цветы Шукаку, леса водорослей Исобу, глубокие коралловые рифы, где спал Гьюки. Чомей с его горячими, красочными тропиками. Мататаби и горы, покрытые туманом.

Леса и прерии Курамы хранили огонь в своей сути. Своих бесконечных пространствах золотой травы, достигающих горизонта и протягивающихся дальше, достаточно далеко, чтобы пробежаться по ним. Голубые небеса. Закаты, похожие на конец мироздания. Это место, где он возродится после смерти, место, где корни трав хранили в себе огонь, а воздух помнил песнь чакры Курамы.

Снова осень. Где-то снаружи падали листья. Где-то в прихожей отродье завязывало шнурки своих новеньких ботинок. Для чувства чакры Курамы оно было существом солнца и костра, без земли, с единственной нитью водно-воздушного наследия, которое не нарушало равновесия.

Входная дверь открылась. Клик-ш-ш-шик. Подняли сумку.

— Я выхожу! — позвало отродье.

Начался новый учебный год.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500789>